

ДОНСКИЕ КАЗАЧЬИ ГОВОРЫ

Л. Л. Касаткин

(Москва)

1. В 1998 и 1999 гг. диалектологическая группа в составе Л. Л. Касаткина, К. Саппока, Е. Н. Мошкиной, Д. М. Савинова, в 1998 г. также О. Г. Ровновой, а в 1999 г. М. Краузе, обследовала говоры 33-х населенных пунктов Волгоградской области, расположенных вблизи рек Хопер, Медведица и Дон, кроме самых южных в области. Почти все эти говоры находятся за пределами территории, картографированной в Диалектологическом атласе русского языка (ДАРЯ). Целью экспедиций было произвести магнитофонные записи рассказов местных жителей — потомственных казаков. Всего было произведено таких записей на профессиональных магнитофонах на 180 часов звучания от 127 информантов, которыми были преимущественно женщины старшего возраста. На этих магнитофонных пленках содержится богатая информация не только о языке народа, но и о его истории, его обычаях, духовной жизни, морали. Сделанные записи послужат материалом для диалектологов и других исследователей не одного поколения.

Эти записи позволяют с достаточно большой точностью описать основные диалектные особенности так называемых донских говоров Волгоградской обл. Наиболее полно представлены в этих записях фонетические и грамматические черты говоров, гораздо беднее — лексические, выявление которых требует использования другой методики.

Хотя работа по анализу этих магнитофонных записей только начата, она уже позволила уточнить некоторые известные ранее сведения, а также указала на существование неизвестных диалектных особенностей волгоградских донских говоров. Сопоставление этих говоров с говорами других территорий по данным ДАРЯ позволяет уточнить диалектное членение русского языка.

2. В донских говорах обнаружаются явления, не отмеченные другими исследователями.

2.1. В области фонетики это следующие черты.

По свидетельству диалектологов, донские говоры характеризуются недисси-миллятивным аканьем [Орлов 1969: 67; Орлов 1984: 8]. Однако по нашим данным, по крайней мере, в некоторых волгоградских донских говорах распространена разновидность диссимиллятивного аканья жиздринского типа, при которой в первом предударном слоге после твердых согласных на месте /o/ и /a/ произносится гласный нижнего подъема [a] перед всеми ударными гласными, кроме [a], и гласный средне-нижнего подъема [ā] (в другой транскрипции [ā]) перед удар-

ным [а]. Кроме отличия по подъему, эти гласные различны и по долготе: [а] короче, чем [а].

Различие между гласными [а] и [а] весьма невелико, кроме того, звук [а] произносится в литературном языке перед всеми ударными гласными. Поэтому различие между этими двумя гласными ранее не осознавалось диалектологами как существенное для характеристики типов предударного вокализма. Только после того как возникла возможность многократного прослушивания одних и тех же звуковых отрезков магнитофонных записей диалектной речи и компьютерного их анализа, удалось установить подобный тип диссимилятивного аканья (см.: [Русские народные говоры 1999: 147]).

По-видимому, звук [а] возник в говорах с таким типом аканья на месте более раннего [э] на путях перехода от диссимилятивного аканья к сильному (недиссимилятивному). Об этом может свидетельствовать говор старообрядцев-некрасовцев с жиздринским типом диссимилятивного аканья, при котором [а] и [э] выступают в позиции перед ударным [а], противопоставляясь звуку [а] перед остальными ударными гласными (см.: [Русские народные говоры 1999: 181]). Магнитофонные записи этого говора были сделаны в 1964 г. в лаборатории экспериментальной фонетики Института русского языка АН СССР и мною от мужа и жены Саничевых, вернувшихся в Россию из Турции в 1962 г. Их предки бежали с Дона в 1708 г., после поражения Булавинского восстания, сначала на Кубань, бывшую тогда под властью крымского хана, вассала турецкого султана, а в 1740 г. — на территорию современной Турции. Прожив на чужбине более 250 лет, старообрядцы лучше сохранили свои обычай, свою веру и свой язык, чем жители России.

В донских говорах встречается и диссимилятивное аканье прохоровского типа, при котором на месте /о/ и /а/ произносится звук [а] перед ударными гласными верхнего подъема и звук [э] или [а] перед ударными гласными среднего и нижнего подъема (см.: [Русские народные говоры 1999: 46, 194–195]).

В донских говорах повсеместно представлено явление, характерное для многих южнорусских говоров, и особенно для говоров юго-западной диалектной зоны, называемое обычно «редукцией безударных гласных до нуля» (см.: [Строганова 1977; Теплова 1981: 55–56; Теплова 1983: 46–47; Голубева 1985; ДАРЯ, вып. 1: карта 32; Калнынь, Масленникова 1995: 82–87]).

Это название не совсем точно отражает сущность явления. Выпадение гласного и изменение в результате этого слоговой структуры слова — только часть случаев, связанных с этим явлением. В других случаях выпадение гласного компенсируется долготой предшествующего согласного, ставшего слоговым, лабиализованностью этого согласного при выпадении [у]; необычностью возникшего сочетания согласных: мягкого перед твердым или, наоборот, глухого перед звонким шумным, звонкого перед глухим или на конце слова, взрывного перед таким же взрывным или аффрикатой. Часто наблюдается произношение глухого гласного.

В работах, посвященных этому явлению, обычно рассматриваются случаи подобной редукции гласного внутри слова. Однако в донских говорах гораздо чаще встречается это явление на конце слова.

На месте /у/ в безударных слогах, кроме 1-го предударного, особенно в окончаниях, наблюдается качественная редукция гласного звука и произношение [э] или [ы] после твердых согласных и [и], [е], [э], [а] после мягких и /j/: *Бэзинóфка* (от фамилии *Бузый*), *ф какýйз, вруч'нýйа, какý н'ипráил'н э слóву, рóз:выйу*; см. также ниже о формах 3-го лица мн. числа глаголов.

Фонема /v/, по свидетельству исследователей волгоградских донских говоров, реализуется губно-зубными [v] и чередующимся с ним [φ] [Орлов 1969: 88; Орлов 1984: 13]. По нашим наблюдениям /v/ может реализоваться и губно-губным [w], главным образом в позиции перед [o]: *wō, wōt, jawó, kawó, č'awó, n'ic'awó, nášewə, C'er'eb'r'akówə*.

Об этом качестве губного щелевого звонкого согласного в настоящем или в прошлом может свидетельствовать и произношение [u] на его месте в предлоге: *у́тф'л'иф* (предл. пад. мн. ч.), в слове *зэудав'ёт'* (от *удовá* 'вдова'), предлоге *уво:* *ува фс'éх*, [v] в начале слова на месте [u]: *вдáр'ил*. Все эти явления сопутствуют [w] в западных южнорусских говорах.

На месте /v'/ перед гласными обычно произносится [v'], но возможен и [j]: *пёязут', приядут'*, что отмечается, как правило, в говорах с [w'].

Звук [φ] лабиовелярный, двухфокусный со вторым заднеязычным фокусом. Если основной фокус губной, такой звук передается как [φ^x]: *ф^x та́ку́у, ф^x n'ér'вэй, ф^xc'e, n'ирашкóф^x*. Если усиливается второй фокус, звук воспринимается как [χ^φ] или [x]: *nanóχ^φ, духóχ^φ, садóх n'и былó, x крав'é, x Крас'н'анк'и*. При его озвончении возникает [y]: *C'ил'аз'н'óу был, калóтизу былэ*.

Звук [x], представляющий фонемы /x/, /γ/, также может быть лабиовелярным. Усиление первого фокуса приводит к замене [x] звуком [φ]: *иф, трафтэр, нэ нач'л'еф ыдут'*. Двухфокусные щелевые губные и заднеязычные встречаются и в других южнорусских говорах (см.: [Русские народные говоры 1999: 19, 39, 55, 69, 128, 159, 167]).

На месте /j/ может произноситься [j] не только перед ударным гласным не в начале слова, как в литературном языке и многих говорах, но и в начале слова, и не перед ударным гласным, и между гласными со вторым [и]: *jим, jað'йнэй, jашáш'у, Jayóр'ий, jawó, пёяд'им, с'им'ян'ин, с' Jayóрэм, мајим, појим*. Возможно и передвижение этого звука в заднепалатальную зону, где звучит [γ']: *ил'у'йн д'ен'*. Встречается [j] и на месте /γ'/: *у мнóих*.

В южнорусских говорах возможно произношение звуков типа [р], [р'] на месте [л], [л'], [т], [т'], [д], [д'] (см.: [Русские народные говоры 1999: 196; Касаткина 2000]);ср. в донских говорах: *n'ир'прывáл:* (переплыvala).

Встречаются случаи цеканья и дзеканья: *ð'éц'u, ð'з'иц'á, ad'з'иц'и*.

У [ц] возможна утрата щелевой фазы: *ат'ёт твой, аты* (отцы), *ф с'ин'т'ибр'é м'ес'итэ, п'атнáтто ф'ивлáл'á*.

Известно, что в древнерусском языке мягкие согласные были палатальными (см.: [Колесов 1980: 41, 140; Касаткин 1999: 325–326]). Это значит, что переднеязычные согласные произносились с напряженной передне-средней частью спинки языка, а кончик языка был расслаблен и опущен к нижним зубам. Позднее, в связи с развитием корреляции по твердости/мягкости, палатальные согласные, кроме [j], заменялись палатализованными. У переднеязычных согласных основной фокус стал образовываться передней частью языка, в связи с чем кончик языка приподнимался к верхним зубам или передней части нёба.

В донских говорах встречается такая артикуляция переднеязычных согласных, мягких и твердых, при которой кончик языка опущен к нижним зубам. Акустический эффект такой артикуляции особенно заметен при произнесении мягких согласных и передненебных. Палатализация, обычная в литературном языке и многих говорах при образовании мягких согласных, при опущенном кончике

языка затруднена, и мягкие согласные могут восприниматься как полумягкие. Передненебные согласные в литературном языке и во многих говорах артикулируются с языком, поднятым и загнутым к области передней части нёба, что также резко отличает эту артикуляцию от артикуляции с опущенным к нижним зубам кончиком языка.

В донских говорах обычно зубные согласные и [r'] мягки перед следующими мягкими губными, [r'] также и перед зубными, а губные и в редких случаях зубные мягки перед следующими мягкими заднеязычными: *с'в'óкэр*, *с'в'акры́*, *с'в'и-н'éй*, *с'в'ат'ýт'*, *с'п'инá*, *б'ис'м'ér т'н'ик*, *рэз'в'ал'ý*, *вэз'в'арнùл'и*, *з'м'ајá*, *пэд'в'аз'óт'*, *ат'в'ал'ý*, *д'в'е*, *М'ид'в'éд'ицэ*, *ад'б'ýл*; *т'ар'п'ýт'е*, *кар'м'áлэ*, *в'и-ч'éр'н'э*, *м'óр'л'и*, *аб'м'óр'з'л'и*; *пэс'к'идáл:(а)*; *бáн'к'и*, *жýн'к'(и)*, *на П'ир'а-кóн'к'и*, *тр'áп'к'им'и*, *д'éф'к'и*, *сэрт'ирóф'к'и*, *Слаш':óф'к'и*, *Ш':ирбакóф'к'и*.

Позиция перед твердыми губными и твердыми и мягкими заднеязычными в литературном языке и многих говорах сильная по твердости/мягкости для переднеязычных согласных, парных по этому признаку: в этой позиции твердые и мягкие переднеязычные различаются. В донских говорах встречается отвердение твердых переднеязычных в этой позиции: *п'йсмá*, *т'урмá*, *т'урмы*, *дýнк'и*.

Возможно произношение [кы] на стыке основы и окончания прилагательного: *атамáнскых*.

2.2. В морфологии и словообразовании донских говоров обнаруживаются следующие явления.

Окончание *-ом* у местоимения 3-го лица муж. рода в твор. падеже ед. числа: *с'н'ом*.

Полные (членные) формы местоимений на месте кратких (нечленных): *этéйу трапý*, *этéйу бáкту*, *этýйу эт'пóру*, *этéйе дóчку*, *этéйе дуýу*, *фс'ајý ноч'*, *блакáду ф'с'ајý п'ир'ажýл*, *в нашéйе с'алó, jað'йнэйрас*.

У возвратных глаголов после гласного окончания гласный в постфикссе может отсутствовать или произноситься: *рэд'илáс'* и *у эд'илáс'*, *an(о)рас'илэс'*, *ан'й* (ль) *уóт'ил'ис'*, *н'и мы́л'(и)с'* *н'и шы́л'(и)с'*, *фкладáл'ис'е*; *бajáл'ис'е*, *раз'б'ýл:(а)с'е*, *пэт'ч'ин'áл'ис'е*, *рад'илáс'э*, *кл'анúс'э*, *сват'илэс'э*, *уб'ар'ис'э*, *спус't'ис'э*. В форме 1-го лица ед. числа и 3-го лица мн. числа в постфикссе встречается гласный [у], реже [о]: *pr'ислухáйус'у*, *рэз'ивáйус'у*, *рэз'б'ирáйус'у* *в'арнùс'о*, *развл'ивáйцу*, *нак'инутцу*, *ввáл'ивуцу* (вваливаются). Возможно, это результат прогрессивной ассимиляции по лабиализованности: уподобление гласного постфикса гласному окончания.

Встречаются формы плюсквамперфекта, достаточно редкие в южнорусских говорах (см.: [Бромлей, Булатова 1972: 129; Русская диалектология 1972: 209–210]): *ис'ирквы бýл'и з'д'éлal'и* (о клубе); *иу энá* (рука) *тáг бáлэ в'ис'éлэ* *у н'аwó* (возможно также, что во втором примере *бáлэ* и *в'ис'éлэ* — однородные сказуемые).

Форма деепричастия действительного залога настоящего времени *спрошá* от глагола совершенного вида *спросить*: *н'и ухад'йт'(е)* *н'и спрашá бр'иуад'ирó*.

Частица *-ка* не после глагола: *кр'иch'ý | (а) ан'й кэ см'ейýуц(а)*.

Наряду с этими диалектными явлениями можно отметить и употребление повелительной формы глагола не в основном категориальном значении этого на-клонения, а в особых значениях, что встречается и в литературном языке, но

весьма редко представлено в диалектной речи: *у м'ин'é бык'í атцап'íс' и уб'éул'и; ja эб'арн'íс'а | а ана́* (змея) *паз'óт', ja кæk рэзамкн'í кэшал'óк || а д'ён'их тэ н'éту.*

В глаголах приставка *по-* часто употребляется при наличии других приставок: *папом'ирл'и* или *пепам'брл'и, пэушл'и, пепаб'ил'и, пэзабрал'и, пэатпрáв'ил'и, пэнастróил'иc'*, *паддál* (поотдал), *паэддахн'иш, пэпрад'элэйт'*.

Суффикс *-ин-* — у притяжательных прилагательных, образованных от существительных муж. рода: *сын'ин* внук, *брáт'ин* внук.

2.3. В синтаксисе встречаются следующие особенности.

В предложно-падежных конструкциях:

1) *об, о* с вин. падежом имени в значении места: *прашлá ab p'éч'ку, ab Дон рас'т'óт', jéдут' тудá a б'ér'их;*

2) *за* с вин. падежом имени, обозначающего предмет речи, мысли, чувства: *аткр'ич'ál'и за жыз'н'у, и пашлá за фс'ó раскáзэват'*;

3) *по* с предл. падежом мн. числа имени вместо дат. падежа: *на фс'ák'иу д'алáх; в языке некрасовцев: на фс'éх ўл'ицих, пэ так'их тэ пэ м'естáх;*

4) *с* вместо *из*: *с Москвý пр'ијéхэлэ, с картóшик'и зуатóв'ил'и;*

5) *из* вместо *из-за*: — *Из-зэ ч'ewó мы ж ѫл'и там? — Иc кускá xl'éба. <...> — Иc кускá xl'éба ав'éц уб'ирл'и.*

Повторение предлогов в словосочетании: *jéхэм' бэ наðэ ф свајú ф с'алó ба; в языке некрасовцев: ф т'éх тэ в үадáх, ф тур'éцкай в з'имл'é, ф тур'éцкуй туды в з'ёмл'у, пајéдут ф тур'éцк'ий в ўорéт, с тыйсэш'у д'ёв'еусэт з двáч фтарóва ўодá, да тыйс'иш'у д'ёв'еусод да двáч фтарóва ўодá.*

Повторение частицы *бы, б:* *jam'ú б наðэ пайт'ít' сэмаму́ б мужсыкú ба || в вэјенкамáт тэ || и ан'и б дáл'и б мόжэ кварт'éру б jam'ú ба.*

Существительное в им. падеже при наречии и глаголе: *рукá бол'нэ; а мн'é ап'áм' бутылкэ б'ар'и; шáпкэ б'ар'óт'* (возможно также, что [э] в бутылкэ, шáпкэ — результат делабиализации [у]).

Дополнение, выраженное существительным, обозначающим лицо или животное, в форме вин. падежа, совпадающей с формой им. падежа: *стэр'ик'и б'азрóдный фонт кар'м'ил || стан'иц(a) кар'м'илэ их; пэрас'óнг дам; пр'иб'ар'ít'(e) нам кэман'д'ир; пайдут' брат на брат | сын нэ атцá <...> ат'éц на сын.* В последних двух примерах, возможно, не нулевое окончание, а редукция до нуля конечного гласного.

Конструкция с инфинитивом-сказуемым, выражающим значение неизбежности действия, долженствования в языке некрасовцев: *потóм он пэм'ирáт'; тp'éт'иí пэм'ирáт'; он ыш'ó жыéв | он ыш'ó здарóф | он ыс'о быт'.*

2.4. Лексика волгоградских донских говоров требует специального изучения. Но и в наших материалах встречаются слова или значения слов, не отмеченные в [СРДГ; СРНГ; Даль]:

баркáс 'большая лодка из досок' (при *лóдка* 'лодка, долбленная из одного дерева');

при глаз, фразеологизм 'на глазах';

задáтный 'зазнайка', *хвал'б'ишкэ, вэабражу́ч'ий ис' с'иб'á;*

кипеть ‘быть переполненным большим количеством чего-л.’: *сүс'л'ик'и к'ин'ёт'и, крысэ к'ин'ам'*, *кэнап'и страс'm' к'ин'ам'*;

кокать ‘болеть и с трудом выздороветь’;

крайтить ‘раскулачивать’;

лоб, лобок ‘открытое место в центре станицы’: *жыву на сámэм лабу, нэ лапк'ё, лытяга (и лытка) ‘бедро’*;

льготиться и готиться ‘пользоваться льготами’: *л'ю́т'ил'ис*; *ан'и ю́т'и-л'ис* — с' н'их н'а брал'(и) налох;

молкосас ‘молокосос, слишком молодой’: *ана мэлкаса п'ир'да мной*;

обчухать ‘очесать’;

пасать ‘пасти’;

полдевка ‘девочка 14–16 лет’;

против, наречие ‘напротив’;

ряшка ‘ушат из деревянных клепок’ — *тростей*;

хлюпаний ‘из хлопка’;

чулёнка ‘вязаный из шерсти и валяный чулок’;

шайя, шайка ‘группа людей, животных’ (без пейоративного значения).

3. Собранные в экспедициях материалы позволяют уточнить некоторые описанные диалектологами черты донских говоров.

В твор. падеже мн. числа «употребляются общенародные формы на -ами и -ми: *домами, руками, слезами* и т. п. <...> Существуют в исследуемых говорах формы типа *людьми* — *людьми*, *лошадьми* — *лошадьми*. В донских говорах преобладают первые окончания (-ми: *лошадьми, семьми, дверьми, слезами, ночьми, курьми, вилми* <...> *коньми*)» [Орлов 1984: 42]. В наших материалах отмечены также формы *уруд'м'и, зар'м'и* (им. п. ед. ч. *заря*), *с курм'и, сан'м'и*.

Окончание -ми было в древнерусском языке в твор. падеже мн. числа существительных склонения с основой на *и*. Это склонение — в основе современного 3-го склонения существительных. Поэтому большинство слов, имеющих в донских говорах окончание -ми, относится именно к этому типу. Интересно, что и некоторые слова женского рода 1-го склонения и мужского рода 2-го склонения также могут иметь в донских говорах это окончание.

Окончание -ми в донских говорах встречается в большом количестве слов, в том числе и в таких словах, у которых в других русских говорах это окончание не отмечено или встречается чрезвычайно редко (ср.: [Бромлей, Булатова 1972: 109–110]).

У глаголов 3-го лица мн. числа встречается «окончание -ут с дополнительным отчетливо произносимым гласным у после мягкого *m* в исходе, т. е. “окончание” -ую: *видютю, едутю, станутю* ‘станут’, *знаютю, думаютю* и под.» ([Орлов 1984: 58]; см. также: [Кудряшова 1998: 34, 49]). Это отражено и в наших записях: *б'ёу́йут'у, вóз'ут'у, д'ёйст́вуйут'у, д'ёлайут'у, лáз'ийут'у, насóд'ут'у, пакупа́йут'у, распра́гут'у, свóл'ут'у, уб'и́вайут'у*. Надо учитывать при этом, что в донских говорах, как и обычно в южнорусских, в 3-м лице мн. числа у глаголов 2-го спряжения выступает окончание 1-го спряжения.

К этому следует добавить, что такое окончание наблюдается только при его безударности; ср. формы *дајут', зав'ут', иф'ут', л'јут', пр'ив'ад'ут', ун'ас'ут'*, а также *ул'ад'ам', з'в'ен'ам', л'ажам', таш':ам', хат'ам'*, зафиксированные на-

ряду с вышеуказанными у тех же информантов. Другое ограничение эпитеты [у] — начало следующего слова на гласный: *пр'ивоз'ят' абрáт, д'ёлэйут' э́тэ, вытáскэвэйт' óкна, нал'ивáйт' и суды, пр'ихóд'ят' а ивó н'ёту*. Встречается также эпитета гласного [о]: *б'ёуэйт'о, зэб'ирáйт'о, залáз'ийут'о, л'éч'ят'о, нэсажáйт'о, п'ир'апýс'т'ят'о, прахóд'ят'о, рабóтэйт'о*. В окончании возможна качественная редукция заударного [у], в результате чего на его месте произносится [и] после мягкого согласного и /j/ и [ы] или [э] после твердого: *ад'д'ёлэвэйт'у, астáв'ят'у, юн'ят'у, л'уб'ят'у, наk'идэвэйт'у, насóд'ят'у, пр'ивоз'ят'у, рабóтэйт'у, рэскатáйт'у, пакáжыт'у, пáшыт'у, слóжыт'у, скáжэт'у*.

4. К. Ф. Захарова и В. Г. Орлова установили на основании материалов ДАРЯ диалектное членение русского языка [Русская диалектология 1964: 225–297; Захарова, Орлова 1970]. Это диалектное членение охватывает только территорию, вошедшую в ДАРЯ. Однако и за пределами этой территории можно обнаружить особые диалектные группы русских говоров. Так, вслед за Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым, Д. Н. Ушаковым [Дурново, Соколов, Ушаков 1915], но на основании новейших исследований (см.: [Комягина 1994; Гецова 1997]), необходимо выделять архангельскую группу говоров (см.: [Касаткин 1998: 76]).

Исследователь волгоградских говоров Л. М. Орлов на основании комплекса диалектных черт выделил «донские говоры в отдельную группу в составе южно-русского наречия» [Орлов 1969: 65]. Как «целостную диалектную систему социально изолированного типа, сложившуюся исторически», как «донской диалект» характеризует донские говоры Р. И. Кудряшова [Кудряшова 1998: 6–7, 9]. Однако описывая конкретные особенности, свойственные всем донским говорам или отдельным их группам, устанавливая диалектное членение донских говоров, эти исследователи, как правило, не выясняют распространение описываемых ими диалектных черт и в других русских говорах. Поэтому утверждения о донской группе как особой группе говоров южнорусского наречия остаются недоказанными. Сопоставление донских говоров с другими русскими говорами, которое стало возможным, главным образом, после завершения работы над ДАРЯ и его опубликованием, действительно показывает необходимость выделять донскую группу говоров южнорусского наречия. Это сопоставление сделано мною на основании материалов экспедиций 1998 и 1999 гг., описания донских говоров в [Орлов 1969; 1984; Кудряшова 1998; СРДГ; СРНГ] и карт ДАРЯ.

Донские казачьи говоры складывались в результате притока населения на Дон из разных мест России, главным образом из южных губерний. Поэтому все донские говоры характеризуются такими диалектными особенностями, которые свойственны всему южнорусскому наречию или большей его части. Однако есть и такие черты, которые сформировались уже на Дону и выделяют донские говоры среди южнорусских, хотя каждая из этих черт встречается только в части донских говоров. Характерно для этих говоров и своеобразное сочетание черт, свойственных юго-западной и юго-восточной диалектным зонам.

Только в донских говорах отмечены следующие черты: донской тип диссимилятивного яканья; большое, по сравнению с другими говорами, число слов с ударным окончанием *-о*, перешедших в средний род из женского, реже мужского (типа *блеснó, звездó, копнó, метлó, стено́, стрелó; дернó, рулё, чехлó*); большое, по сравнению с другими говорами, число слов с окончанием *-ми* у существитель-

ных твор. падежа мн. числа; эпитета [у] в форме 3-го лица мн. числа глаголов; гласный [у] в постфикссе возвратных глаголов 1-го лица ед. числа и 3-го лица мн. числа. Кроме того, донские говоры характеризуются своеобразной лексикой: баз 'двор', *батáшки*, *памáшки* 'помидоры', *жалмérка*, *жалнérка* 'казачка, муж которой находится на военной службе', *ирýн*, *ирýян* 'напиток из разбавленного водой кислого молока', *крепь* 'целина', 'огород', *курéнь* 'большой дом с несколькими комнатами', *лазóревый цветок* 'степной тюльпан', *нурё* 'нора', *попервáм* 'сперва', *юрт* 'владения станицы' и др.

Черты, известные в донских говорах и в южнорусских говорах главным образом юго-западной диалектной зоны: протетический [и] перед группой согласных: *нáч'ил ирвáт'*; [ш'] на месте [ч']: *пл'иши'ó*, *ш'ижсóлии*, *ш'ул'áткэ*, *яшаш'у*, *ш'авó*, *ð'афш'áтэ*, *Сыш'óф*, *л'аш'ил'и*, *нэш'авáт'*, *ат* *н'éш'ин'и*, гораздо реже [с] на месте [ц]: (в речи некрасовцев) *ат'éс*, *н'éр'ис*, *ауурсы*, *н'икрасéфсэх*, *нэкан'éс*, *сл'ин'éс*; гиперизм — звук [ц] на месте [с] в слове *царáй*; мягкий [к'] после мягких согласных, в том числе и /j/, кроме [ч'] и [ш'] на его месте: *ð'ан'к'á*, *мáл'ин'к'ивэ*, *ч'ис'т'éн'к'э*, *Дýс'к'а*, *с'йс'к'у*, *Hóт'к'а* (уменьшит. от *Наташа*), *Үáл'к'а*, *Ш'игал'к'óвэ*, *ч'айк'ú*, *лэбаура'еýк'а*, *шайк'э*, *кан'еýк'у*, *хаз'айк'а*, *зэжсүйайк'а*, *кр'уч'кóм*, с *үðэч'кэй*, *йайч'ку*, *дóч'ку*, *луч'ку*, *м'ёлэч'кэ* ('мелко'), *вад'йч'кэ*, *рүч'кэ*, *дóш'кэ*; [кы] на стыке основы и окончания прилагательных: *атамáнэских*; протетический [в] перед /o/, /y/; окончание -у в предл. падеже ед. числа у существительных ср. рода; форма им. падежа ед. числа *свекrúха*; форма им. падежа мн. числа *волóсъя*; инфинитив на -чть (-ш'ть) у глаголов с основой на г, к; конструкция *по* + форма предл. падежа мн. числа существительных; слово *високий* с [в'].

Черты, известные в донских говорах и в южнорусских говорах главным образом юго-восточной диалектной зоны: ассимилятивно-диссимилятивное яканье; делабиализация [у] в безударных слогах, кроме 1-го предударного; особая ритмическая структура фразы, приводящая к массовым случаям редукции «до нуля» гласных в безударных слогах; безударное окончание -ей в форме твор. падежа ед. числа существительных 3-го склонения: *з дóч'ир'ей*, *с ма́тр'ей*, *с ма́т'ир'ей*, *но-ч'ей*; ударное окончание -е в форме предл. падежа ед. числа существительных 3-го склонения: *ф с'т'ин'е*, *нэ п'ич'é*, *ф крав'é*, *как рак нэ м'ил'é*; форма им. падежа ед. числа *свекrý*; форма им. падежа мн. числа *волóсъя*; ударное окончание формы им. падежа мн. числа существительных женского рода 1-го склонения; окончание -ов в род. падеже мн. числа существительных жен. рода; указательное местоимение *энтот*, *энта*, *энти*; ударный постфикс возвратных глаголов -си после согласных.

В хоперских говорах распространено слово *иштó* (*ещё*), известное в таком произношении также немногим, в основном севернорусским, говорам. Донским говорам, и главным образом среднерусским, широко известно окончание -ым, -им в предл. падеже ед. числа прилагательных и местоимений-прилагательных. Цеканье и дзеканье, а также утрата звука [ц] щелевой фазы известны преимущественно в псковских и других говорах западной диалектной зоны.

Литература

Бромлей С. В., Булатова Л. Н. Очерки морфологии русских говоров / Отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1972.

- Гецова О. Г.* Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкоznания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность / Отв. ред. К. В. Горшкова, М. Л. Ремнева. М., 1997.
- Голубева Н. Л.* О консонантном окружении гласных, редуцируемых до нуля // Диалектография русского языка / Отв. ред. Р. И. Аванесов, А. И. Горшков. М., 1985.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М. 1903—1909 [1994].
- ДАРЯ** — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР: В 3 вып. / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. I. Фонетика. М., 1986; Вып. II. Морфология. М., 1989; Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части России. Вып. III. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. Справочный аппарат. М., 1996; Карты (часть 1). Лексика. М., 1997; Карты (часть 2). Лексика. Синтаксис (в печати).
- Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н.* Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М., 1915.
- Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970.
- Калнынь Л. Э., Масленникова Л. И.* Изучение вариативности в славянских диалектах [Исследования по слав. диалектологии. 3] / Отв. ред. Л. Н. Смирнов. М., 1995.
- Касаткин Л. Л.* Русские диалекты // Вопросы антропологии, диалектологии и этнографии русского народа / Отв. ред. И. В. Власова. М., 1998.
- Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Касаткина Р. Ф.* Южнорусское наречие. Новые данные // Вопросы языкоznания. 2000. № 3.
- Колесов В. В.* Историческая фонетика русского языка. М., 1980.
- Комягина Л. П.* Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994.
- Кудряшова Р. И.* Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа: (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области). Дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 1998.
- Орлов Л. М.* Фонетика волгоградских говоров // Учен. зап. Волгоградского пед. ин-та. 1969. Вып. 27. (Исследования и статьи по русскому языку, вып. 2).
- Орлов Л. М.* Русские говоры Волгоградской области. Уч. пособие. Волгоград, 1984.
- Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М., 1964.
- Русская диалектология / Под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972.
- Русские народные говоры. Звукающая хрестоматия: Южнорусское наречие / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М., 1999.
- СРДГ** — Словарь русских донских говоров: В 3 т. / Отв. ред. В. С. Овчинникова. Ростов н/Д., 1975—1976; (2-е изд.: В 2 т. Т. 1. Ростов н/Д., 1991).
- СРНГ** — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Вып. 1—33—, А—Р—. М.; Л. (СПб.), 1965—1999—.
- Строганова Т. Ю.* О вокализме 2-го предударного слога после твердых согласных в акающих говорах // Диалектологические исследования по русскому языку / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М., 1977.
- Теплова В. Н.* О заударном вокализме после твердых согласных в русских говорах // Диалектология и лингвогеография русского языка / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М., 1981.
- Теплова В. Н.* О вокализме заударного конечного открытого слога после твердых согласных в акающих говорах русского языка // Русские народные говоры: Лингвогеографические исследования / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М., 1983.